

Георгий Чулков. Слепые

Повесть

Оригинал здесь: [Серебряного века силуэт...](#)

I

В переулках еще лежал талый побуревший снег, но уже веял влажный ветер и мартовская оттепель накрепко взяла землю.

Борис Андреевич Лунин, ослепленный весенним небом, торопливо переходил через площадь с Николаевского вокзала на Рязанский. Едва не раздавленный шальным автомобилем, промочив изрядно ноги, он попал наконец на подъезд вокзала. Рассеянно сунув сак и деньги посыльному, пошел он в буфет. И здесь чувствовалась московская весна – и в странной смеси зимней и летней одежды, и в запотевших окнах, и в лужах от калош, и в несколько возбужденном говоре пассажиров.

Лунин с любопытством осмотрелся вокруг, узнавая знакомое... Вон пробежал лакей с дымящимся стаканом чая и двумя пирожками; вон проплыл важно седоусый начальник станции в красной фуражке, преследуемый хлопотливым пассажиром; вон бледноликая дама в трауре. Все то же самое, и весна такая же.

Борису Андреевичу Лунину на вид можно было дать лет тридцать. Но уже немолодая грусть светилась тихо в его глазах, заключенных в синевато-желтые круги. Слишком красные губы, серебристо-матовая бледность и рассеянный взгляд – все отличало лицо Лунина от заурядных физиономий.

Толпа пассажиров со смешной торопливостью хлынула на перрон. Рассеянно занял Лунин первое попавшееся место в вагоне. Рядом сидел молодой человек; и Лунину показалось, что где-то он видал его, этот низкий упрямый лоб с черными на нем кудрями, эти глаза, мечтательные и злые, этот страстный рот и слишком белые зубы...

И молодой человек сделал движение в сторону Лунина, как бы желая поздороваться. Вскоре разговорились. Молодой человек назвал себя графом Бешметьевым и объяснил, что знает Лунина: видел его портреты и в прошлом году встречал в Мариинском театре на вагнеровских спектаклях.

Стараясь побороть свою болезненную рассеянность, поддерживал Лунин разговор, заинтересовавшись не тем, что говорил ему собеседник, а его до странности мечтательным взглядом и непонятной улыбкой, некстати змеившейся под темными усами.

Лунин почувствовал, что встреча с этим графом будет иметь для него какое-то значение. И это предчувствие, а может быть, и не совсем обыкновенное лицо соседа растревожили Лунина. Из разговора выяснилось, что оба они едут до станции Пустынино.

– Я туда еду без определенного плана, – сказал Лунин задумчиво, – не знаю, как там устроюсь. Мне говорили, что в Пустынине есть дачи и что их мало, и вокруг тихо, а мне это и надо. И хотелось пожить еще в Московской губернии: я все-таки москвич, хотя Петербург и покорила меня...

Бешметьев с готовностью рассказал, как можно в Пустынине устроиться. Он сам едет сейчас в имение к князю Ховрину. Это в трех верстах от станции. А на полпути – дачи. Если Борису Андреевичу нужно небольшое помещение, лучше всего снять у Михневича.

– Мне называли эту фамилию, – сказал Лунин.

– Этот Михневич – зять местного священника.

– А вы знаете этого священника?

– Как же! Знаю. Отец Григорий...

– Вот как! Может быть, вы и семейство знаете отца Григория?

– Да, знаю. Видел его дочку, Наталью. Приятная барышня. И Александру, ту, что за Михневичем, тоже знаю.

– А другую сестру, Анну Григорьевну, вы не встречали? – спросил неожиданно Лунин.

– Нет, не встречал. А вы, стало быть, отчасти знакомы с этим семейством, – сказал Бешметьев, улыбаясь.

– Да, я встречался с Анной Григорьевной в Петербурге. Она, между